

Н. Б. Арнаутов
Использование образа «врага народа»
в периодической печати Западной Сибири
в период «большого террора»

В 1930-е гг. активно развивался и тиражировался тезис об обострении классовой борьбы, регулярно подкрепляемый партийными решениями того времени. Борьба с «врагами народа»¹ стала основным структурообразующим фактором идеологии того времени, наиболее ярким выражением политической сущности тоталитаризма. В работе использованы газеты «Алтайская правда»², «Большевицкая смена»³, «Звезда Алтая»⁴, «Красное знамя»⁵, «Красный Алтай»⁶, «Рабочий путь»⁷, «Сельская правда»⁸, «Советская Сибирь»⁹. Анализ основных дефиниций образа в периодической печати позволяет как выявить совокупный образ этого «врага», так и ранжировать значимость различных составлявших его элементов с точки зрения сталинского руководства в эпоху «большого террора». Изучение этих вопросов позволит решить две исследовательские задачи: характеризовать образ в конкретно-исторической конъюнк-

Арнаутов Никита Борисович, аспирант Института истории СО РАН. E-mail: amautov_nikita@mail.ru

¹ Образ «врага» являлся искусственно созданным, обобщенным представлением какого-либо субъекта (политического, социального и т. д.) о своих противниках, предназначенным для утверждения в массовом тоталитарном сознании.

² Орган Оргбюро ЦК ВКП(б), Оргкомитета ВЦИК по Алтайскому краю и Барнаульского Горкома ВКП(б).

³ Орган Запсибкрайкома и Новосибирского горкома ВЛКСМ.

⁴ Орган Бийского райкома ВКП(б), РИКА и райпрофсовета.

⁵ Орган Томского горкома ВКП(б), горсовета и горпрофсовета.

⁶ Орган Барнаульского горкома ВКП(б), горсовета и горпрофсовета.

⁷ Орган Омского горкома ВКП(б), горсовета, ГСПС.

⁸ Орган Западно-Сибирского крайкома ВКП(б).

⁹ Орган Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), крайисполкома и крайпрофсовета.

туре периода массовых политических репрессий с выделением его структуры и выявить динамику использования образа в западно-сибирской прессе для выяснения вопроса о синхронности репрессивных и печатных органов.

Изучение образа «врага народа» в периодической печати в период «большого террора» в августе 1936 – марте 1938 г. является междисциплинарным исследованием, соответственно существуют два базовых историографических блока. В первую очередь, это исследования теоретического порядка, которые сводились к рассмотрению образа «врага народа» как идеологического стереотипа, существующего в массовом идеологизированном сознании¹. В них дается характеристика феномена «врага» в ракурсе его использования в системе политической агитации и пропаганды. Второй блок исследований имеет конкретно-исторический характер, где образ «врага народа» вписан в различную историческую конъюнктуру². Исследования феномена образа «врага наро-

¹ *Васильева Т. Е.* Стереотипы в общественном сознании: социально-философские аспекты. М., 1988; *Голубев А. В.* Мифологическое сознание в политической истории XX в. // Человек и его время: Сб. материалов всесоюзной школы молодых историков. М., 1991; *Он же.* Мифологизированное сознание и внешний мир // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994; *Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К. В.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. М., 1998. № 12; *Притчина Е. В.* «Образ врага» как элемент тоталитарного сознания // Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления: Материалы междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. Вып. 3; *Родченко А. М.* Языковое манипулирование общественным сознанием в тоталитарном государстве: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2006; *Чугров С. В.* Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1; *Он же.* Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2.

² *Савин А. И.* Образ врага. Протестантские церкви в сибирской прессе 1926–1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002; *Сазонов Е. А.* Образ «врага народа» в партийной и государственной политике большевиков (июль 1917 –

да» в контексте сталинских политических репрессий остается недостаточно освещенным в исторической литературе, что делает необходимым его более детальное рассмотрение непосредственно в период «большого террора».

Термин и сам образ «врага народа» существовали в политике и пропаганде большевиков еще до их прихода к власти. В период революции и Гражданской войны категории «бывших» – «помещики» и «генералитет», «буржуазия» («капиталисты», «заводчики», «фабриканты», «банкиры»), «офицерство» как особая социальная группа были, причислены к «врагам народа». Они объявлены непримиримыми врагами, с которыми велась бескомпромиссная борьба, в том числе и на страницах периодических изданий. В период коллективизации особый акцент в политической пропаганде делался на актуализацию образа «кулака», который не сходил со страниц партийно-советской печати Западной Сибири. В результате в прессе был создан сложный и во многом противоречивый образ «врага народа».

В период «большого террора» образ «врага народа» постепенно становился схематичным и разноплановым явлением, которое искусственно создавалось и обобщалось в представлении широких слоев населения. Многосоставность образа заключалась в сосуществовании в нем двух качественно различных составляющих: персонифицированной и стереотипной. Персонифицированный образ присутствовал в средствах пропаганды в качестве упоминаний фамилий лиц, причисленных к «врагам народа»: Л. Д. Троцкий, Г. Л. Пятаков, Н. И. Бухарин, М. Н. Тухачевский и мн. др. Стереотипный образ «врага народа» конструировался путем составления в периодической печати идеологических стереотипов, таких как «вредители», «кулаки», «сектанты» и т. д.

июль 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002; *Сенявская Е. С.* Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3; *Она же.* Противники России в войнах XX в.: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М., 1999; *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003.

Стереотипный образ являлся мозаикой, собранной многочисленными дефинициями и определениями «врагов народа» в периодической печати. Стереотипный образ «врага народа» содержал в себе несколько уровней: политический, социальный и универсальный. Политический уровень включал в себя термины, характеризовавшие внутривнутрипартийные уклоны в РКП(б) – ВКП(б) («правый», «левый»), «антипартийные организации» и группы, в которые входили политические оппоненты И. В. Сталина («троцкисты», «бухаринцы», «зиновьевцы» и т. д.). Социальный уровень составляли термины, отражавшие принадлежность и место в общественной структуре страны («внеклассовые элементы», «кулаки» и т. д.). Одной из составляющих данного уровня являлись термины религиозного характера («церковники», «попы», «сектанты» и т. д.). Универсальный уровень составляли термины, не имевшие четкой политической и социальной принадлежности («шпионы», «враги», «враждебные элементы» и т. д.).

В рамках социального уровня образа «врага народа» существовали суммирующие категории, характеризовавшие всех представителей «чуждых» элементов: «враждебные группы», «внеклассовые элементы», «представители антагонистических классов» и т. д. Данные категории характеризовали весь спектр лиц, причисленных к «врагам народа» в ряду социальных групп: представители «бывших людей» – «кулаки», «спецы-вредители»; представители привилегированных сословий – «дворянство», «чиновничество», «офицерство», «духовенство». При этом пропаганда достаточно четко выполняла функции регулятора, ориентирующего настроения «ведущих социальных сил страны» – рабочего класса и крестьянства – на «беспощадную борьбу» с «классово враждебными элементами». Внутри классов происходило формирование «шлюзов» ненависти и агрессивности, так как в массовом сознании различные группы населения выносились за моральные рамки и представлялись в пропаганде как «нелюди»¹.

¹ Кузнецов И. С. «Проклятьем заклеянные»? Социально-психологические предпосылки российского тоталитаризма. Новосибирск, 1994. С. 75.

Социальная составляющая образа «врага народа» дополнялась образом «врага-сектанта». Фундаментом формирования образа «сектанта» стала идея превращения религиозных организаций в «очаги контрреволюции» и противодействия служителей культа мероприятиям советской власти. В периодической печати представлялся идейный союз «кулака» и «попа», повсеместно вынашивающих вредительские планы против колхозного движения¹. Этим обвинением представителей религиозных организаций в союзе с враждебными строю силами обосновывалась необходимость перехода от идеологической борьбы с религией к борьбе с «религиозной контрреволюцией», а антирелигиозная работа объявлялась частью «классовой борьбы»². Образ «сектанта» использовался в качестве вспомогательной и дополнительной составляющей образа «врага народа». В середине 1930-х гг. большевики рассматривали религию и религиозные объединения прежде всего как своего идейного врага, и соответственно борьба с церковью носила в большей степени идеологический характер.

Второй уровень использования образа «врага народа» – политический. Основными направлениями внутри данного уровня являлись антипартийные блоки, активно пропагандируемые в периодической печати как «враждебные» – «троцкисты», «зиновьевцы» и т. д., и внутрипартийные «вредители», которые действовали внутри партии «помогая уничтожить ее изнутри». Политический уровень включал в себя термины, характеризовавшие внутрипартийные уклоны в РКП(б) – ВКП(б) («правый», «левый»), «антипартийные организации» и группы, в которые входили политические оппоненты И. В. Сталина («троцкисты», «бухаринцы», «зиновьевцы» и т. д.).

Формирование политического уровня в рамках образа «врага народа» шло на протяжении 1920-х гг. в контексте внутрипартийной борьбы. Образ «врага народа» пополнился за счет постепенного вхождения в него различных

¹ *Гайлит О. А.* Образ врага в мирное время (религиозные организации в Западносибирской прессе 1930-х гг.) // Катанаевские чтения: Сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 197.

² *Ленин В. И.* Избр. соч. М., 1987. Т. 4. С. 312.

производных от фамилий лидеров групп: «троцкисты», «бухаринцы», «зиновьевцы» и т. п. В политическом и пропагандистском лексиконе использовались такие понятия, как «правый уклон», «левый уклон», «троцкистско-зиновьевский блок» и т. д. Помимо этих групп в идеологическом багаже образа «врага народа» появлялись такие термины, как «двурушник», «оппортунист», «уклонист» и т. д. Вместе с представителями оппозиции к политическим врагам причислялись и другие, ранее репрессированные, партии и политические группы – «кадеты», «анархисты», «буржуазные националисты» и т. д.

После убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. в периодической печати термин «враг народа» стал одним из доминирующих терминов в информационном поле. Вся вина за убийство в прессе была возложена на «злодея-убийцу, подосланного классовыми врагами»¹. Убийство С. М. Кирова было использовано руководством страны для ужесточения преследований в отношении бывших оппозиционеров и других потенциальных противников режима, а также для нагнетания атмосферы всеобщей бдительности и поиска «врагов народа». После этого по всей стране, в том числе и в Западной Сибири, репрессивная политика по политическим обвинениям заметно усилилась. Этому способствовала начавшаяся в мае 1935 г. проверка партийных документов.

В результате произошла значительная радикализация мер, предлагаемых в качестве борьбы с «врагами» на страницах периодической печати. Идея существования классового врага была существенно дополнена. В прессе Западной Сибири в качестве «злейших врагов народа» должны были предстать «враги народа» качественно другого уровня. В западно-сибирской прессе произошла регенерация образа «врага-троцкиста», который пропагандировался как «разрушитель хозяйства», «организатор голода», «отравитель рабочих» и т. д. Если ранее вектор идеологического террора был ориентирован постулатом о борьбе с «эксплуататорами», «классовыми врагами», то в период «большого террора» он был направлен, прежде всего, на ликвидацию «врага-троцкиста».

¹ *Памяти С. М. Кирова // Советская Сибирь. 1934. 2 дек.*

Дальнейшая динамика образа «врага народа» в периодической печати Западной Сибири определялась проведением открытых показательных судебных процессов. Увеличению количественного присутствия образа в западно-сибирской прессе способствовало освещение дела о так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре», которое рассматривалось Военной коллегией Верховного суда СССР 19–24 августа 1936 г. на открытом судебном заседании. Были преданы суду 16 чел., большинство из которых в прошлом были организаторами и активными участниками троцкистской и зиновьевской оппозиций, за что исключались из партии. В качестве «врагов народа» в периодической печати наиболее часто упоминались фамилии Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева. Эти лица, как сказано в приговоре, были осуждены за проведение антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, причастность к убийству С. М. Кирова и подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства. При этом в периодической печати формировался образ «троцкистско-зиновьевско-фашистского врага народа», а основной акцент делался на организацию и осуществление убийства С. М. Кирова через ленинградскую подпольную террористическую группу и подготовку убийства руководителей партии и правительства. Тем самым происходило формирование основного синонимичного ряда, характеризовавшего образ «врага народа», за счет создания образа «убийц партийных вождей».

Следующее увеличение количественного присутствия образа на страницах периодической печати Западной Сибири приходится на январь-февраль 1937 г. 23–30 января 1937 г. на открытом судебном заседании было рассмотрено уголовное дело «параллельного антисоветского троцкистского центра». По этому делу было арестовано и предано суду 17 чел., которые в основном являлись представителями советской хозяйственной номенклатуры. В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР по данному делу отмечено, что в 1933 г. по указанию Л. Д. Троцкого в Москве наряду с «антисоветским объединенным троцкист-

ско-зиновьевским центром» был создан «параллельный антисоветский троцкистский центр», в состав которого вошли Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков и др. Как отмечалось в приговоре, этот «параллельный центр» в качестве основной задачи ставил свержение Советской власти в СССР. Для достижения этой цели, согласно приговору, участники центра, якобы, развернули диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность. Указывалось, что для непосредственного руководства вредительской деятельностью на местах в некоторых крупных городах СССР были созданы местные «троцкистские центры». В частности, в Новосибирске якобы по указанию Ю. Л. Пятакова был организован «Западно-Сибирский троцкистский антисоветский центр». В периодической печати происходила актуализация терминов, характеризовавших «разрушительные действия врагов народа» на промышленном производстве: «вредительство», «диверсии», «террор» и т. д.

На основании распоряжения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г., которое предлагало местному партийному руководству и местным органам НКВД «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников, с тем чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки»¹, нарком внутренних дел Н. И. Ежов издал 30 июля 1937 г. оперативный приказ «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»². Во втором полугодии 1937 г. наблюдается расхождение в количественном использовании образа «врага народа» на центральном и региональном уровнях. Если в газете «Правда» использование образа заметно снижается и наблюдается более детальное обращение к внешнеполитическим событиям, то в прессе Западной Сибири термины, характеризующие образ «врага народа», продолжают часто фигурировать в пропагандистском лексиконе.

¹ Цит. по: Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 189.

² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 96–104.

В третьем открытом московском судебном процессе 2–13 марта 1938 г. по делу «антисоветского правотроцкистского блока» проходил 21 чел. Руководителями этого «блока» были признаны Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский, старейшие члены партии, которые в 1928 г. выступили против форсирования темпов индустриализации, а затем – против пролонгации чрезвычайных мер, введенных в связи с хлебными затруднениями. Сталинским большинством ЦК партии эти взгляды были охарактеризованы как «правый уклон» в ВКП(б). Во время проведения третьего московского процесса в периодической печати, помимо использования утвердившегося клише «шпион, диверсант, убийца», для характеристики «врага народа» стали использоваться еще и такие термины, как «правый уклонист», «двурушник». В целом можно говорить о том, что в пропаганде, сопровождавшей процесс по делу «антисоветского правотроцкистского блока», использовалась вся палитра обвинений. Это свидетельствует о том, что он играл роль завершающей стадии в деле ликвидации бывшей партийной оппозиции.

В печатных изданиях, занимавшихся идеологическим обоснованием и сопровождением процессов, подсудимые обвинялись в четырех основных преступлениях: организация диверсий на промышленных объектах; участие в шпионаже в пользу фашистской Германии и Японии; организация и осуществление убийства С. М. Кирова и подготовка убийства руководителей партии и правительства. Утверждалось, что участники различных «оппозиционных центров» были замаскированной формой белогвардейской организации и «последышами эксплуататорских классов». Исходя из этого складывалась палитра характеристик образа «врага народа»: «шпион», «вредитель», «диверсант», «убийца» и т. д. Данные термины носили универсальный характер и обязательно использовались в связках с терминами политического характера: «троцкисты», «зиновьевцы», «правые уклонисты», «двурушники» и т. д. В этом наглядно проявляется сущностная черта всех пропагандистских кампаний 1930-х гг., направленных на борьбу с «врагами народа», – эффект снежного кома. Актуализированный образ «врага народа» впитывал в

себя все характеристики образа, созданного ранее. Несмотря на это, термины, характеризовавшие социальную принадлежность «врагов народа», – «кулаки», «капиталисты», «помещики» – хоть и использовались в периодической печати, но на фоне политической составляющей образа «врага народа», теряли свою актуальность.

Термин «враг» в словосочетании «враг народа» являлся определяющим, так как он наиболее точно, нежели его синонимы, отражал восприятие противника или неприятеля и концентрировал в себе большую эмоциональную, отрицательно заряженную составляющую. Основное ценностное содержание термина «враг» – смертельное противостояние. Этим он отличался от «оппонента», «соперника», «противника». В образе «врага» могли сочетаться самые разные составляющие, например «враг народа», «враг революции», «враждебный элемент» и т. д. Различных модификаций словосочетания с термином «враг», использованных в периодической печати Западной Сибири, насчитывается 105. Эти составляющие могли пересекаться между собой, дополнять друг друга, взаимно усиливая совокупный образ «врага». «Враг народа» в этом списке – наиболее четко выраженная конструкция, универсальный обвинительный штамп.

В материалах периодической печати становилось нормой постоянное присутствие обвинений, призывов к противостоянию, насилию, расправе, кампаний по дискредитации и т. д. Власть через систему массированной пропаганды добивалась исступленно-злобного фанатичного настроения людей. В соответствии с этой целью приверженцы оппозиционных настроений именовались в печати «империалистическими гадинами», «бандой наемных убийц, диверсантов и шпионов», «прямой агентурой фашистских охранок», «отъявленными контрреволюционерами» и т. д. В западно-сибирской прессе проводилась мысль о том, что «враги все свои силы направляют теперь на то, чтобы самыми гнусными средствами вредить, пакостить СССР, наносить ущерб делу социализма, подготавливать террористические акты против руководителей СССР, в целях провокации убивать рабочих, подрывать оборону Страны

Советов»¹. Возбуждение народного гнева против «изменников и предателей» естественным образом приводило к развитию тезиса о «всенародной бдительности», которая служила гарантией против «вражеской деятельности»². Согласно газете «Советская Сибирь» большевистская бдительность «должна быть неотъемлемой органической чертой каждого советского работника, каждого советского гражданина»³.

Согласно такой методике пропаганды большое внимание уделялось использованию полунормативной лексики в периодической печати – «сволочь», «гадина», «урод», «мразь», «выблюдок» и т. д., что свидетельствовало о стремлении газеты вызвать не просто негативное отношение, а злобу и ненависть к «врагам народа». В целом термины с ярко выраженной экспрессивной окраской были свойственны периодической печати того времени. В построении образа «врага народа» применялись также зооморфные образы: «шакалы», «собаки», «кровожадные звери», «империалистические хищники». Образ «врага народа» при этом в глазах масс лишался человеческого облика и представлял в виде «врага-зверя». Этим приемом достигался эффект пренебрежительно-негативного отношения к противнику, что психологически облегчало задачу его уничтожения⁴.

Образ «врага народа» был весьма широк и в терминологическом, и в содержательном плане, что создавало простор для маневра в большевистской агитации и пропаганде, где использовалось огромное количество формулировок с использованием понятий «враг», «предатель», «изменник». Помимо этого, образ «врага народа» дополнялся крайне негативными характеристиками и различными эпитетами – «преступные», «подлейшие», «заклятые» и т. д. Дополнительные формулировки, в свою очередь, делали образ многовариантным. Такое множество эпитетов позволяло значительно усилить об-

¹ *Красный Алтай*. 1937. 27 янв.

² *Сазонов Е. А.* Образ «врага народа»... С. 7.

³ *Советская Сибирь*. 1937. 9 марта.

⁴ *Сенявская Е. С.* Образ врага в сознании... С. 141.

раз «врага народа», распространяемый в печати. Эти составляющие могли пересекаться между собой, дополнять друг друга, взаимно усиливая совокупный образ «врага».

Язык в газетных статьях был пропитан милитаризмом, духом непримиримости, нетерпимости и предельно унифицирован. Газетно-языковая универсализация характеризовалась усилением стандартизации и тем самым способствовала появлению газетных штампов. Небольшое использование языковых форм и существование огромного количества штампов вело к формированию тоталитарного типа мышления и мировоззрения¹. «Само использование массами одномерного и унифицированного языка ежедневно и зачастую подспудно видоизменяло их мировоззренческую самоидентификацию... Люди вовлекались в стихию этого языка и объясняли мир его терминами»².

Стереотипы, сформированные из развернутых метафор, формировали семантические ряды: «Троцкий – троцкисты – шпионы – вредители – убийцы – враги». В периодической печати семантические ряды часто использовались, так как в сознании обывателя не была в полной мере ясна необходимость ликвидации «троцкистов», «бухаринцев», «зиновьевцев» и др. представителей в прошлом оппозиционных направлений в партии. Соответственно была необходима их синонимизация с терминами «шпион», «вредитель», «убийца» и т. д. В массовом сознании все термины, характеризовавшие «врага народа», становились синонимами. Подобного рода семантические ряды «запечатывались» в сознание людей и могли проявляться как эмоционально-ассоциативная реакция на события реальной жизни. Благодаря созданию разветвленной сети синонимов и семантических рядов образ «врага народа» становился чрезвычайно устойчивым, что способствовало его дальнейшему развитию и укреплению в рамках тоталитарного сознания.

Процесс распространения образа «врага народа» в пропагандистских структурах можно характеризовать как формирование в массовом сознании определенного идео-

¹ Родченко А. М. Языковое манипулирование... С. 15.

² Яров С. В. Пролетарий как политик. СПб., 1999. С. 168.

логического стереотипа¹. Задача укоренения образа «врага народа» могла быть решена только в случае формирования в массовом сознании стереотипного и абстрактного представления о «враге». В данном случае стереотип «врага народа» выступал как существенная составляющая массового сознания, формировал обыденные представления о внешнем мире. Он синтезировал образы всех «врагов», существовавших в массовом тоталитарном сознании, и становился неким универсальным представлением абсолютного зла, самого яростного и коварного «врага». Стереотипы наслаивались на уже имеющиеся в сознании установки, образы, воспитывались с течением времени и активно формировались в ходе действия политической пропаганды². При этом действовал эффект снежного кома, когда происходило наслаивание новых идеологических стереотипов на уже сформированные и укрепившиеся в массовом тоталитарном сознании.

Таким образом, в периодической печати Западной Сибири содержатся многочисленные дефиниции образа «врага народа». Частота их упоминаний напрямую соотносится с происходившими в стране событиями. Стереотипный и персонифицированный образы «врага народа» соотносятся напрямую и периодически актуализируются. Коммунистическая партия, руководствуясь своими задачами, стремилась насадить через периодическую печать определенный стереотип «врага народа», который в каждом месяце имел определенную персонификацию. Этот процесс имел целью вызвать в народе негативное отношение к данным категориям населения и конкретным людям, что в свою очередь обеспечивало проводившимся в СССР репрессиям социальную поддержку и легитимацию.

¹ Чугров С. В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание. С. 40.

² Егорова-Гантман Е., Плеваков К. С. Концепция образа... 21–22.